

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

1. „Двѣнадцать“ Александра Блока.

„Двѣнадцать“ Александра Блока, повидимому, самое сильное до сихъ поръ отраженіе революціи въ литературѣ. Уже сейчасъ можно сказать безъ преувеличенія, что это подлинно *памятникъ* революціонной эпохи. Въ этомъ произведеніи дѣйствительно отразилась революція, ея безбожіе, ея безчеловѣчность, ея — перефразируя другіе стихи того же поэта — *безсильный, непробудный грѣхъ*. Въ предисловіи, которымъ П. П. Сувчинскій сопроводилъ софійское изданіе „Двѣнадцати“, *) онъ опредѣляетъ поэзію Блока, какъ *чувственный реализмъ* и не очень высоко оцѣниваетъ его творчество съ религіозной точки зрѣнія. Поэтому „образъ Христа въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ“ — неубѣдительный, тусклый, чужой, случайный и безотвѣтственный, даже недопустимо безотвѣтственный, кощунственный (стр. 6).

Справедливый судъ и заслуженный приговоръ, но его надо, мнѣ кажется, расширить и углубить. Все произведеніе Блока, при потрясающей чувственной правдивости, дѣлающей изъ него большую художественную цѣнность и первоклассный историческій памятникъ, религіозно, а тѣмъ самымъ и эстетически, двойственно и противорѣчиво, не примирено въ себѣ, какъ не примиреннымъ въ себѣ и эстетически незаконченнымъ и потому несовершеннымъ былъ всегда и остается Блокъ. Тутъ религіозный критерій сливается съ эстетическимъ. Правда изображенія въ „Двѣнадцати“ Блока религіозно не освобождена отъ цинизма или кощунства воспріятія. Отсюда то естественное отталкивающее впечатлѣніе, которое на многихъ производятъ „Двѣнадцать“.

Человѣкъ, а потому и писатель, можетъ къ пороку, грѣху, мерзости, пошлости относиться различно: ихъ можно воспринимать безразлично въ процессѣ простого отображенія или изображенія; ихъ можно превозносить и идеализировать и, наконецъ, къ нимъ можно

*) Александръ Блокъ. „Двѣнадцать“, съ предисловіемъ П. Сувчинскаго. Россійско-Болгарское Книгоиздательство, Софія (б. о. г.), стр. 36

относиться съ эстетически-іерархической оцѣнкой, ставя ихъ въ надлежащее соотношеніе съ другими сторонами лирики или дѣйствительности. Только послѣднее отношеніе эстетически правильно и религиозно законно.

Блокъ въ своихъ „Двѣнадцати“ колеблется между этими тремя отношеніями. Истинная, совершенная поэзія, образцами которой могутъ служить поэтическія части Библии, „Фаустъ“ Гете, „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, всегда эстетически-іерархически и тѣмъ самымъ религиозно расцѣпываетъ изображаемое. И потому она никогда не впадаетъ въ соблазнъ кощунства. Между тѣмъ, у Блока почти всегда двусмысленное отношеніе къ изображаемому, заключающее въ себѣ опасность цинизма и кощунства.

Относительно А. Блока ставился еще вопросъ объ его отношеніи къ русской революціи. Этого вопроса П. П. Сувчинскій касается включеніи своего предисловія. Но намъ его пониманіе Блока въ этомъ отношеніи не вразумительно.

Отношеніе къ русской революціи есть частный случай отношенія къ грѣху и мерзости вообще. Оно у Блока тоже двусмысленно, цинично и кощунственно. Это не можетъ не восприниматься болѣзненно всѣми любящими красоту блоковской поэзіи. Въдъ тотъ же самый поэтъ, который написалъ соблазнительно-кощунственное „Двѣнадцать“, написалъ стихи „На полѣ Куликовомъ“, „Русь“, „Россія“, проникнутые историческимъ смысломъ, любовью къ живому и вдохновенному образу Россіи, поруганному безбожной и безчеловѣчной, кощунственной и мерзкой революціей, въ „Двѣнадцати“ изображенной, но не преодоленной ни эстетически, ни религиозно. Невольно вспоминается вѣщее признаніе самого же Блока, что онъ принадлежитъ къ какой то проклятой породѣ людей, къ „дѣтямъ страшныхъ лѣтъ Россіи“, у которыхъ „въ сердцахъ восторженныхъ когда то есть роковая пустота.“

На правдивомъ изображеніи лица революціи въ „Двѣнадцати“ лежитъ именно соблазнительная печать „роковой пустоты“ въ религиозномъ отношеніи.

Петръ Струве.